
100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции государственной исторической политики в процессе подготовки и проведения мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. С одной стороны, отмечаются наличие долгосрочной стратегии власти по работе с коллективной памятью и активное привлечение профессиональных историков к выработке новых интерпретаций революционного процесса, с другой — крайне низкая общественная активность вокруг данного юбилея и, как следствие, отсутствие реальной аудитории государственной исторической политики.

Ключевые слова: Великая российская революция, революция 1917 года, Великая Октябрьская социалистическая революция, политика памяти, историческая политика, историческое сознание.

Автор

Беклямишев Владимир Олегович

Студент магистратуры
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

19 декабря 2016 г. Президент России В. В. Путин подписал распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. Еще задолго до опубликования данного документа и предшествующего ему Послания Президента Федеральному Собранию¹, в ряде ведущих российских СМИ развернулась полемика о том, какой характер примет государственная историческая политика в связи с приближающейся годовщиной.

¹ В тексте Президентского Послания сохранилась кратко сформулированная стратегия на весь юбилейный год: «Недопустимо тащить раскол, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь...».

Предполагаем, что на ожидания образованного класса от грядущего юбилея существенно повлияли прежние представления о значении революции, порожденные советской историографической традицией. Впоследствии это обернулось многочисленными обвинениями власти в целенаправленном «замалчивании» глобального исторического события. Очевидно также, что реальный интерес российского общества к потрясениям столетней давности оказался гораздо ниже, чем изначально предполагала сама власть. Среди немногочисленных попыток объективного анализа сложившейся ситуации, на наш взгляд, следует выделить мониторинговый проект издательства АИРО XXI «Революция-100» (Г. А. Бордюгов и др.),

100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

а также серию экспертных комментариев О. Ю. Малиновой (например, интервью «Обезвредить революцию» для журнала «Огонек», 16 января 2017 г.).

К рассматриваемой в них проблематике обращается и данная статья.

Согласно статье 1 ранее упомянутого распоряжения Президента России, в декабре 2017 г. вся полнота ответственности за формирование «приемлемого» образа революционного прошлого оказалась возложена на Российское историческое общество (РИО) — ассоциацию крупнейших учреждений науки, образования и культуры под председательством бывшего спикера Государственной Думы С. Е. Нарышкина. Отметим, что этот механизм — использование для реализации государственной исторической политики формально независимых общественных организаций — был ранее выявлен А. И. Миллером, который поспешил сделать из этого вывод, что таким образом «исследования по истории становятся своего рода политтехнологическим подрядом».

Впрочем, на этот раз власть предоставила историкам весьма широкую свободу действий. Именно представители академической науки составили наиболее активную «фракцию» в составе созданного под эгидой РИО организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России (его председателем стал ректор МГИМО А. В. Торкунов, научный руководитель Института всеобщей истории РАН А. О. Чубарьян и директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров вошли в состав бюро). В пользу преимущественно академических проектов был распределен и бюджет фонда «История Отечества»¹.

¹ Фонд «История Отечества» изначально был создан как инструмент реализации

Из этого следует вывод о том, что в процессе подготовки к юбилею революции 1917 года власть сознательно выбрала в качестве своей стратегии не целенаправленное забвение «неудобного» сюжета, а его перенос в проблемное поле академической истории. Прозвучавшие заявления о том, что все интерпретации революции являются исключительной прерогативой профессионального сообщества недалеки от истины, однако заставляют вспомнить о классическом противопоставлении истории и памяти: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [Нора 1999: 20]. В данном случае передача юбилея академическим историкам — сама по себе — удачный прием, делегитимирующий альтернативные попытки его политического использования.

Второй широко тиражированный тезис об исторической политике в России, опровергаемый практикой деятельности оргкомитета по 100-летию революции, заключается в признании ее непоследовательности и бессистемности. «Всякий, кто берется писать о государственной политике памяти в современной России не может не признать наличие целого ряда скрытых, а подчас и явных противоречий, наличие которых делает разговоры о наличии государственной политики памяти в РФ если не тщетными, то, по крайней мере, преждевременными», — утверждается в одной из последних статей, посвященных данному вопросу [Беляев Е. В., Линченко А. А. 2016: 22].

В действительности же подготовка к 100-летию революции началась еще задолго до юбилейного года и была во многом связана с созданием качествен-

политики РИО. В 2017 г. ему была выделена субсидия в объеме 50 миллионов рублей. Принципиально важен сам механизм распределения средств — открытый конкурс с технологическими, а не идеологическими критериями оценки исторических проектов.

но новой «инфраструктуры памяти» (в терминологии О. Ю. Малиновой). К ней мы относим разработку, широкое общественное обсуждение и внедрение в образовательный процесс нового Историко-культурного стандарта (ИКС), который, по словам С. Е. Нарышкина, сыграл роль своеобразного «общественного договора» в отношении целого ряда «трудных вопросов» прошлого. Утверждение ИКС на президентском уровне придало государственной исторической политике должную целостность и внутреннюю логичность. Сегодня мы наблюдаем, как выверенные формулировки из текста стандарта постепенно переносятся в политическую риторику и медийный дискурс.

В ходе обсуждения основных положений ИКС родилась, в частности, и концепция Великой российской революции, предполагающая рассмотрение февральских и октябрьских событий как единого поступательного процесса, объединенного внутренней логикой, порожденного обстоятельствами Первой мировой войны и плавно перетекающего в войну Гражданскую. Важным нововведением ИКС стал отказ от традиционного описания событий революции в рамках отдельной главы. Современной границей новой и новейшей истории было признано вступление России в Первую мировую войну, открывающее обширный раздел «Россия в эпоху великих потрясений» (охватывает все события до окончания Гражданской войны, включая февральские и октябрьские).

Отметим, что преодоление наследия советской историографии, противопоставлявшей «буржуазный» февраль и «социалистический» октябрь, было в целом положительно воспринято историческим сообществом, однако конкретные хронологические рамки Великой российской революции до сих пор остаются предметом профессиональной дискуссии. Заметим также, что понятие «Великая российская революция» пока не вошло в обиход ведущих СМИ (например, спецпроект информагентства «Россия сегодня» на-

зывается «Великая русская революция», а спецпроект ТАСС — «1917. К столетию Февральской и Октябрьской революций») и еще ни разу не встречалось в президентской риторике.

Имеет смысл также обратить внимание на предшествующий стратегический проект РИО — подготовку к 100-летию Первой мировой войны. Тогда, в 2014 г., на возвращение «забытой войны» в публичное пространство были направлены значительные финансовые и символические ресурсы. По инициативе сенатора А. И. Лисицина 1 августа был законодательно утвержден в качестве Дня памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг., а Министерство обороны России приступило к оцифровке картотеки Бюро учета потерь на ее фронтах. В пользу того, что эти празднования изначально мыслились в качестве пролога к юбилею революционных событий, свидетельствует тот факт, что первые конкретные предложения по подготовке к 100-летию революции прозвучали именно на заседании оргкомитета по 100-летию Первой мировой войны (1 августа 2016 г.).

Эвиатар Зерубавель отмечал, что коллективная память любого сообщества содержит в себе определенные «вершины» и «долины», причем наиболее значимыми представляются эпохи, либо чрезвычайно удаленные от нас во времени, либо удаленные не более чем на столетие [Zerubavel 2003: 31]. Очевидно, что в данной системе координат образ революции 1917 года неуклонно дрейфует из первой зоны в последнюю (политолог О. Ю. Малинова прослеживает эту тенденцию еще с середины 2000-х гг., когда 7 ноября вновь стал рабочим днем) [Малинова 2015: 80].

В этой связи крайне сомнительным выглядит утверждение авторов мониторинга «Революция-100» Г. Бордюгова и Д. Ан-

100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

дреева о том, что «на фоне официальной идеологической установки увязать Февральскую и Октябрьскую революции в единый процесс... обозначился прямо противоположный тренд — повышенное научно-академическое и общественное внимание к харизматичным лидерам 1917 года». Так, по данным «Левада-центра» (опрос 2–6 марта 2017 г. среди 1600 человек в 48 регионах) 59 % респондентов не считают исторический опыт 1917 года актуальным для современной России (еще 32 % затруднились с ответом). Около трети опрошенных «Левада-центром» (опрос 20–23 января 2017 г. среди 1600 человек в 48 регионах) в принципе никогда не задумывались над своим отношением к от-

речению Николая II.

На фоне пониженного интереса к юбилею среди широких слоев населения и достаточно лояльного отношения профессионального сообщества к проводимой властью исторической политике, цель по достижению общественного консенсуса в отношении событий 100-летней давности представляется вполне достижимой. Единственная проблема здесь в том, что такой консенсус объединяет лишь очень узкий круг, дальнейшее расширение которого вряд ли возможно без изменения сегодняшних практик проработки прошлого.

Литература

1. *Беляев Е. В., Линченко А. А.* Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. — 2016. — № 2. — С. 21–35.
2. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности — М., 2015.
3. *Нора П.*, Франция-память — СПб, 1999.
4. *Zerubavel E.* Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. — Chicago, 2003.